

«ДУХОВНОСТЬ» В ЕРЕСЯХ И СЕКТАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХИАТРИИ, ПСИХОДИНАМИКИ И ПАСТЫРСКОГО БОГОСЛОВИЯ¹

СВЯЩЕННИК ВАСИЛЕОС ТЕРМОС

Автор предлагает классификацию религиозного опыта с точки зрения тех или иных психических состояний, лежащих в его основе. Он подчеркивает, что все эти состояния сами по себе еще не гарантируют истинного христианского духовного опыта, главное отличие духовности в ересь и сектах — в приоритете самого опыта над любовью. Рассматривая эту проблему, которая является и внутренней проблемой самой христианской Церкви, автор формулирует ряд вопросов, которые православные психологи, психиатры и психотерапевты должны поставить перед Церковью и всем остальным миром, и в решении которых им следует принять активное участие.

Ключевые слова: религиозное переживание, опыт, духовность, пограничная личность.

Достопочтенные отцы, возлюбленные сестры и братья во Христе!

Я считаю особым благословением Божиим, что нынешняя конференция организована, чтобы явиться тем местом, куда принесут свой опыт и стоящие перед ними проблемы многие православные психотерапевты, особенно служащие душе человеческой в этой большой и многоликой стране, у которых я намерен почерпнуть что-нибудь для себя полезное. То, о чем я собираюсь говорить, может на первый взгляд показаться маргинальным по отношению к самому опыту Церкви, но, я думаю, размышляя о христианской духовности начала XXI века, мы все согласимся, что и в пастырской, и в психотерапевтической практике это явление занимает одно из центральных мест.

Религиозные переживания в еретических течениях и сектах разнообразны, их характер — общедоступный и массовый. Как право-

¹ Выступление на III Международной конференции православных психотерапевтов (Bradenton, Florida, 2-5 января 2008г.).

славные психотерапевты и активные члены Церкви, мы стоим перед необходимостью исследовать их как в свете психологической науки, так и православного богословия, не только по той причине, что мы стремимся способствовать исцелению наших заблудших братьев и сестер, но также и потому, что мы признаем свою собственную безотлагательную нужду *в углублении нашего экклезиологического (церковного) самосознания*. Другими словами, перед нами стоят самые острые вопросы, такие как: «Почему эти переживания мы считаем сомнительными?», «Почему они столь привлекательны, что секты и ереси продолжают плодиться как грибы?», «Почему на такой вредоносной почве произрастают приятные переживания?», «Какого рода личностные особенности присущи людям, которых притягивает подобный опыт?» и, наконец, «Только ли в ересях и сектах встречается этот опыт?»

Так или иначе, проблема *опыта* представляется одной из центральных в нашей постмодернистской культуре, склонной принимать и одобрять *любой опыт как таковой*. Наша эпоха со всем основанием могла бы характеризоваться как «эпоха психосоматического опыта», включающего в себя широкий набор несходных между собой явлений, таких как неестественно изощренные вкусы, употребление различных веществ, экстремальные виды спорта, сексуальные эксперименты, шоу с элементами сверхъестественного, кибер-стимуляция и т.п. Опыт как таковой стал сам по себе ценностью, в абсолютном отрыве от идеологической стороны, которая теперь воспринимается как нечто отжившее. Модернизм был на самом деле первым, чему следует приписать заслугу *подчеркивания эмоций*, что казалось даже оправданным и понятным по контрасту с коллективистской ментальностью традиционных обществ (если конечная ценность — соответствовать группе, то кому интересны твои чувства?). Эмоции стали одним из критериев самостоятельного субъекта, что повлекло за собой некоторые серьезные следствия — между прочим, свободный выбор себе спутника жизни. Постмодерн сделал субъективный эмоциональный опыт своим флагом, а движение Нью Эйдж превратило его в свое основное орудие. Таким образом, *навязчивая погоня за опытом*, как эгоцентрическая обращенность на себя, стала весьма характерной для наших дней.

Как психолог, исследующий религиозный опыт, Andre Godin утверждает, что «экстремальный опыт или его предмет рассматривается как *абсолютный* и безусловный сам по себе: он несет в себе свое собственное оправдание и не содержит никакого утилитарного смысла.

Он открывается как цель, по крайней мере, временная, и никогда как средство к чему-нибудь другому» [André Godin, 1985, с. 87]. Может быть, это утверждение поможет нам понять, почему образованные и успешные люди доходят до чудовищной деградации и до веры в безумные идеи, попадая в секты и еретические течения.

С моей точки зрения, их привлекает не мыслительный инструментарий; в целом, очень немногих людей убеждают рациональные доводы ересей и сект, хотя интеллектуальное любопытство может быть для некоторых первоначальным толчком. Громадное большинство последователей склонны отдаваться во власть тому, кто обещает освободить их от неприятных эмоций и дать им приятные. Я бы предложил держать этот пункт в уме, так как в Церкви мы иногда не настроены на человеческие нужды; люди жаждут перемены в области чувств, а мы предлагаем им интеллектуальные решения.

Я начну с принадлежащей Rodny Stark [1997, с. 209-221] классической систематики религиозного опыта. Его критерий относится к субъективному чувству связи с божественным и действителен также для основных религий. Итак, он начинается с опыта *подтверждающего*, в котором человек внезапно убеждается в том, что «что-то существует», Бог или высшая сила. По американским опросам с этой категорией себя связывает около 50% зарегистрированных католиков и протестантов (позвольте напомнить, что вопрос был о чувстве, а не об убеждении).

Далее опыт приобретает форму *ответного*. Здесь человек чувствует, что божественное вступает с ним во взаимные отношения, заботясь о его спасении или чудесным образом действуя на благо его здоровья или благополучия. Такой опыт приносит ощущение избранности и часто приводит к обращению.

Затем наступает следующая стадия — *экстатического* опыта. Он может принять эротический оттенок или качество «прикосновения», что способно вызвать взрывы психосоматики.

Далее, на самой вершине опыта, находится опыт *откровения*. Человек чувствует не только связь между собой и «Богом», но также чувствует себя его доверенным лицом. «Бог» открывает ему знаки и истины, которые больше неведомы никому. После этого он или сходит с ума, или становится, например, главой секты, если обладает достаточной харизмой. Бывает, что происходит и то, и другое.

Теперь я попытаюсь представить другую классификацию религиозных переживаний — согласно тому психическому состоянию (от самого мягкого до наиболее тяжелого), которое лежит в их основе.

1. Спокойствие и безопасность.

В наше время стрессов и непрерывной тревоги люди склонны искать то, что даст им возможность расслабиться. Рассказы членов и бывших членов сект согласно свидетельствуют о том, что, будучи рядом с лидером, главой секты, люди испытывают умиротворение и чувство безопасности, что заставляет их забывать о жизненных неприятностях. Эти чувства сильнее всего, когда они слушают, как он уверенно говорит, особенно если используются техники релаксации, или, самое главное, когда они становятся его избранными последователями. Для многих из них эти чувства и являются той ловушкой, в которую они попадают, и которая удерживает их годами в секте.

Главным механизмом этого переживания является идеализация лидера и вытекающее отсюда абсолютное доверие к нему. Это регрессирует к более ранней стадии развития, когда блаженство было возможным благодаря абсолютному доверию себя родителям, или же оно было предметом поиска, если подвергалось фрустрации. В большинстве случаев мы обнаруживаем здесь утрату границ эго по причине воображаемого слияния с эго лидера или групповым эго. Другими словами, происходит паразитирование, жизнь в тени кого-то другого.

Регрессия может быть той причиной, по которой многие люди примыкают к сектам. Они надеются, что найдут «волшебное» решение всех своих проблем. Согласно Diet, секта может соблазнять обещанием избавить от всех тревог и недоумений, очаровывать иллюзиями и привлекать своей извращенной логикой, в которой господствует отрицание ограничений и закона [Diet, 1999, с. 51-62].

2. Напряжение.

Оно не имеет ничего общего со стрессовым напряжением каждодневной жизни, наоборот, мы находим здесь приятное (а иногда и вызывающее зависимость) ощущение адреналиновой встряски. Это характерно для сект, которые используют какие-либо интенсивные практики, вроде танца и музыки.

3. Восторг и воодушевление.

Типичный случай — пятидесятники, ликующие по поводу своего спасения и возрождения, очевидность которого они связывают с предположительным схождением на них Святого Духа. Истерические личности подвергаются подобным чувствам посредством механизма индукции, который представляет собой способность переживать определенные чувства, если лидер или группа того хотят. Передача этих эмоций и соответствующие психосоматические проявления не являются следствием сознательного процесса.

Для этой группы характерно одно противоречие. Несмотря на то, что ее члены провозглашают свободное и ничем не опосредованное глубинное переживание Бога, на деле, как указывает Godin [1985, с. 101], «оно происходит в атмосфере запрограммированной спонтанности, очевидно обусловленной определенным типом лидерства, отвечающим ожиданиям и пожеланиям, в скрытом виде присущим определенному слою христианского населения, принадлежащего к Западной культуре». Некоторые члены страдают из-за господства чрезмерного упрощения и все же сохраняют лояльность благодаря атмосфере всеобщей радости [Там же. С. 106-108, 119]. Кроме того, Godin цитирует католического богослова Yves Congar, который предполагает, что «нам следует подозревать существование неявного богословского воззрения, в котором Дух мыслится непосредственно данным в первичной спонтанной простоте, которая заново открывается в некоей невинности, охраняемой от сложностей и несоответствий, возникающих в результате посредничества интеллекта, присущего взрослой мысли и взрослому поступку» [Там же. С. 110].

Ясно, что в контексте современной культуры нормальная повседневная жизнь без эксцессов ценится невысоко, но почему же все-таки всемогущий Святой Дух не может являть Себя также через спокойные и вполне произвольные и осознанные процессы?

4. *Единство.*

Единство занимает центральное место в христианском богословии и церковной жизни, но здесь (в еретическом и сектантском сознании) оно обладает только лишь психологическим измерением и может описываться как чувство бытия одним целым с человечеством и всем мирозданием. На самом деле этот феномен не является исключительно религиозным, как о том свидетельствует пережитое Фрейдом в Афинском Акрополе «океаническое» чувство. Однако он приобретает стойкий религиозный смысл при атрибуировании ему такового и становится типичным для движения Нью Эйдж. По словам Enriquez, «в сектах создается когерентное «Мы», теплое и надежное, изгоняющее страх свободы» [1999, с. 11-33]. Монолог Великого Инквизитора был бы здесь очень поучителен.

Внутри этого опыта единства «страхи смягчаются, защиты, запреты, контроль ослабляются, впуская тем самым отношение терпимости, дружелюбия и прощения» [Godin, там же, с. 88]. Экстремальные переживания приносят с собой свободу от различных психических напряжений, причиной возникновения которых были семейные не-

приятности, экзистенциальный вакуум, чувство вины, личностный кризис и т.п. Они обычно происходят внезапно, как бессознательный процесс, спровоцированный определенными внешними практиками, которые используются в секте. Люди могут не говорить о них, не только потому, что не способны найти подходящие слова для их описания, но также из-за страха, что другие будут думать о них как о психически ненормальных. Возможно, это еще одна дополнительная причина, которая привязывает их к секте, где они могут свободно себя выражать и найти понимание и участие в других [Sanders, 1994, с. 105-115].

5. Измененные состояния сознания.

Мы рассмотрели стадии опыта в порядке возрастания его сложности, и измененные состояния сознания включают в себя все предыдущие формы, добавляя к ним знание. Человек чувствует, что, кроме мира, радости и единства, он получил еще один счастливый дар — доступ к тайному коду божественного, мироздания, человечества и т.п. Очевидно, что это наиболее вожаденный опыт, дающий то самое знание мировых тайн, которое было одним из основных стремлений человечества с самых ранних времен.

Весьма выразительны данные некоторых опросов: 43% американцев и 45% британцев сообщают, что у них был «мистический» опыт [Forman, 1998, с. 3]. В другом американском исследовании предлагался вопрос: «Чувствовали ли вы когда-нибудь, что рядом с вами находится могущественная духовная сила, которая готова овладеть вами?», и 35% респондентов ответили положительно, а половина из них даже уточнили, что это случалось «несколько раз» или «часто» [Godin, там же, с. 99]. Измененное состояние сознания часто является приятным переживанием, так как оно расширяет субъективное поле осознания, и в то же время, однако, оно — основная причина, по которой психика человека оказывается под угрозой. Ибо как долго могут границы эго растягиваться, не лопнуть? Как мы знаем, этот разрыв может принять форму психоза или даже самоубийства.

* * *

Исследования, проведенные с людьми, практикующими трансцендентальную медитацию, обнаружили на электроэнцефалограммах низкочастотную активность левого полушария [Batson, Schoenrade, Ventis, 1993, с. 133-141]. Кроме того, испытуемые сообщали о «мистическом» опыте, как бы сигнализирующем об этой низкочастотной активности: они не могли найти слов, чтобы его описать, это была

утрата границ «я» и пространства, время бесконечно растягивалось [Fenwick, 2001, с. 15-26]. Другие важные сведения были получены от пациентов, страдающих эпилептическими припадками, вызванными поражениями правой височной доли, предвестником которых является так называемая «аура». Достоевский в романе «Идиот» дал нам блестящее описание своего собственного опыта такого рода: он говорит о «внезапной вспышке в мозгу», о «быстро сменяющихся друг друга самоосознаваниях», о «необычном свете, успокаивающем все тревоги», о «мире, ясности, радости, надежде, полноте, отождествлении с квинтэссенцией жизни». Он находит емкое обобщение: «В эти моменты, я не знаю как, но я мог понять странное выражение, что *времени больше не будет*».

Кроме этого, измененные состояния сознания могут быть результатом приема определенных веществ, таких как психоделики (ЛСД). Употреблявшие рассказывают о чувстве, что они будто бы попадают «в самую сердцевину своего существа», или что никогда они не были «в такой полноте самими собой» [Godin, там же, с. 91]. Вывод таков, что люди с повышенной возбудимостью в правом мозговом полушарии и лимбической системе в большей степени подвержены необычным интенсивным переживаниям, которые в религиозном контексте того или иного рода начинают приписываться божественному действию или действию лидера группы. Все религиозные переживания, будучи психическими переживаниями, опосредуются мозгом, хотя бессознательное, личность, ранний опыт отношений в семье способствуют большей или меньшей восприимчивости к этим переживаниям и формированию их содержания. Сочетание всего этого, плюс человеческая свобода, делают каждого из нас уникальной психосоматической целостностью.

Если говорить о расстройствах личности, то в нашем контексте наиболее интересны два из них.

Шизотипическое расстройство включает в себя «странные, эксцентричные убеждения или магическое мышление (ясновидение, телепатия или «шестое чувство»), необычный перцептивный опыт, включая телесные галлюцинации...» [Quick Reference to the Diagnostic Criteria from DSM-IV, 1994, с. 278].

Пограничная личность — расстройство, основные составляющие которого следовало бы знать всем благочестивым отцам. Оно характеризуется «эмоциональной нестабильностью, ответственной за очень значительные колебания настроения, неистовыми попытками избежать реального или воображаемого предательства,

неустойчивыми и напряженными отношениями, колеблющимися между полюсами чрезмерной идеализации и полного обесценивания, нарушением идентичности: значительно и стабильно неустойчивым образом Я или ощущением Я, хроническим чувством пустоты...» [Там же. С. 280-281].

Пограничные личности очень подвержены переживанию скуки и тоски, отчаянно ищут чего-нибудь нового и склонны к переменам взглядов и «обращениям». Они действительно жаждут необычных переживаний, потому что без них они ощущают физическую пустоту или даже смерть. Некоторые имеют склонность к членовредительству, чтобы почувствовать себя живыми. Не удивительно, что они собираются в сектах, дабы обрести уважение к себе и любовь.

Нестабильность интериоризированного объекта любви представляет постоянную угрозу психическому статусу пограничной личности. Ее поведение определяется этой нестабильностью до тех пор, пока ей не удастся организовать свою жизнь вокруг какого-то центра, который может быть фанатичной религиозностью сектантского характера. Поскольку все религиозное окружено почтением и благоговением, оно может стать безопасным убежищем для желающего обрести покой и безмятежность. Кроме того, культивируемые здесь нравственные ограничения могут направить в определенное русло слабо структурированное существование пограничной личности и избавить ее от болезненных поползновений. Люди с пограничным расстройством личности намного чаще, чем люди с любыми другими расстройствами личности, проходят через кризис идентичности (который может перейти в экзистенциальный кризис). Британские исследования показывают, что в 25% случаев интенсивные религиозные переживания были инициированы состояниями депрессии и отчаяния [Fontana, 2005, с. 178]. Большое исследование среди американских католиков-обновленцев «харизматического толка», проведенное в 1974 году, показало, что 31% из них ощущали свою жизнь лишенной смысла до того, как они вступили в это движение, 45% не знали, каких ценностей им придерживаться, а 47% переживали непосредственно перед этим личностный кризис. Последнее было также обнаружено у 85% тех, кто демонстрировал «говорение на языках» (глоссологию)! Кроме того, несмотря на то, что 96% опрошенных декларировали принадлежность к католической церкви, 1/3 не имели личной веры до прихода к харизматикам, а у 2/3 не было никакого внутреннего религиозного опыта [Godin, с. 102-104]. Я считаю более чем очевидным, что моти-

вация поиска интенсивных переживаний (и, как следствие, большая предрасположенность к их приобретению) заключается в том, чтобы достигнуть большей живости веры и яркости жизни.

* * *

Отцы, сестры и братья!

Анализ проблемы с психологической и психиатрической точки зрения подводит нас к пастырской проблематике. Слепое доверие религиозному опыту приводит к тому, что религиозные чувства по определению воспринимаются как достоверные; думаю, все вышесказанное мною подтверждает неправомерность этого всеобщего заблуждения.

Хотя радость и мир входят в число плодов Духа Святого, не каждая радость и не любой мир являются истинными переживаниями божественного. Иллюзии нередки в духовной жизни, и для ряда верующих, по-видимому, их распознавание является очень сложным. Они могут участвовать в литургической жизни и таинствах Церкви, могут бороться за внимательную молитву, подвергать себя аскезе, могут чувствовать, что они раскаиваются. И все-таки они будут еще далеки от настоящей христианской духовности. Соотносить христианские чувства с «духовностью» Нью Эйдж, или сравнивать то, что происходит в Церкви, с тем, что происходит в ересях и сектах, на первый взгляд кажется довольно оскорбительным. Святой Кирилл Иерусалимский, однако, предупредил нас, что «Церковь полна скрытых еретиков» [Катехизис, 15, 9], то есть людей, которые придерживаются ошибочных убеждений в уме и сомнительных установок в сердце, несмотря на их добровольное исповедание православной веры. Суть проблемы в данном контексте состоит в том, что *главенство отдается опыту вместо любви, чувству вместо церковного духа и сознания.*

Такое главенство порождает «духовность» незрелую и ребяческую. Ее заботит только, как я себя чувствую, а не каков я с другими. Это есть, например, «духовность» человека, маниакально вычитывающего вечернее правило, очень сосредоточенного, в то время как его жена в одиночку борется за то, чтобы уложить детей спать, а после этого обвиняющего ее в том, что она недостаточно «духовна». Это также «духовность» благочестивого верующего, пребывающего в глубокой молитве во время Священной Литургии, в то время как рядом с ним стоит пожилой человек, отчаянно нуждающийся в его сиденье. В той мере, в которой Церковь не взращивает в своем лоне

истинную духовность и не ставит на первое место узы любви между своими членами, существует риск сведения духовности к индивидуальному психологическому опыту. Это может давать удовлетворение, но не способствует жизни Тела Христова (совершая прогресс в своей духовной жизни, мы вносим вклад в целостность и созидание Тела Христова). Боюсь, что некоторые приходы и монастыри усердно работают на эту «духовность».

В действительности, секрет этой «духовности» есть жажда власти. Ей дела нет до любви, она безразлична к другим, если только их нельзя как-то использовать в целях своего эгоцентрического спасения. Трагедия заключается в том, что эта жажда воображаемой власти часто маскируется под интерес к дарам Духа Святаго. Знакомясь с житиями святых, эти братья и сестры начинают испытывать ревность к их подвигам и стремятся им подражать, исключительно потому, что рассматривают это как благо для себя. Они стремятся, на самом деле, стать в своей собственной фантазии суперменами в христианском обличье.

Здесь мы как раз можем попытаться перевернуть на ноги то, что стоит на голове. Их исходное намерение состоит в приобретении силы и удовлетворении собственного нарциссизма, и они используют Церковь и ее таинства как средства для этой цели. Это полная противоположность тому, что характеризует подлинную церковную духовность: стремление всеми силами соединиться с Господом, а также с братьями и сестрами — членами Его Тела, стремление возрастать в любви; и, соответственно, обращение к средствам аскетики для достижения этого. Тело Христово — это никоим образом не средство, это конечная цель, ради которой был сотворен весь мир, и воплотился, был распят и воскрес наш Господь. Истинная духовность Церкви — это идущее от самого сердца желание соединения в любви; это не жажда харизмы, которая, в действительности, дается как божественный дар тем, кто делает все, что может, для единения в любви. Дело верующего — каяться и любить, Бог же в ответ украшает его Своими дарами.

Если смотреть с этой точки зрения, то чудеса значат гораздо меньше, чем любовь. Святой апостол Павел советовал нам «ревновать о дарах больших», то есть о любви [1 Кор. 12: 31]. Рассматривать чудеса и вообще необычные переживания как лучший показатель духовности — весьма примитивный образ мышления, не подобающий людям, освященным благодатью Божьей. Говоря о переживаниях, вспомним отрывок из жития святого Пахомия: «Если ты видишь кого-нибудь,

кто скромн, милостив, полон сочувствия и сострадания, кто мирен, любит людей и Бога, сокровище всех добродетелей, о! каким зрелищем ты благословлен! Ты узрел Самого Бога в Его живом святилище и образе! А святой Исаак Сириин писал, во многом к разочарованию некоторых братьев и сестер: «Тот, кто способен видеть свои собственные грехи, выше того, кто воскрешает мертвых своей молитвой. И тот, кто удостоен зреть свою собственную духовную болезнь, выше того, кто удостоен зреть ангелов, потому что он может видеть очами сердца» [Аскетические опыты, 34].

Подводя итог, подчеркнем, что религиозное переживание может быть недостоверным и обманчивым, так как иногда оно искусственно создается или вызывается. Оно не всегда дает то, что оно обещает. Я думаю, что именно поэтому нам в Церкви не следует гоняться за сильными и производящими впечатление переживаниями. Поэтому святые отцы советовали не доверять всем, кажущимся духовными, переживаниям во время молитвы. Мы отдаем предпочтение более тихой, спокойной и постоянной внутренней работе, которая гораздо надежней, хотя и не сопровождается бурными переживаниями. А наслаждение переживаниями оставим лучше для «жизни будущего века». Православная духовность не привязана к сверхъестественным переживаниям, которые могут оказаться всего лишь естественными или демоническими. Предметом ее заботы является создание прочных отношений с Богом и членами Его Тела. Истинные религиозные переживания возникают как следствие этого процесса, но сами по себе не являются конечной целью. Рассуждать таким образом не значит недооценивать эмоциональную жизнь человека (эмоции, в конце концов, являются ценным источником информации о нашей внутренней жизни и способом установления с ней обратной связи), но значит осознавать, что религиозный опыт вращивается в недрах церковной жизни.

* * *

Я хочу закончить четырьмя взаимодополняющими вопросами, которые, я думаю, в конечном счете, стоят перед нами:

1) На Западе чувство космического единства стало рассматриваться как духовное переживание в наивысшей степени. Именно в этом суть укоренившейся дихотомии между религиозностью и так называемой «духовностью», дихотомии, которая совершает подкоп под природу христианства и его предназначение. Действительно, так называемая «духовность» включает в себя психологические пере-

живания, которые не вмещаются в рамки ни одной из христианских деноминаций и, что еще хуже, сопротивляются отнесению себя к ним. «Духовность» в западном понимании считается чем-то более высоким, чем религиозность, и фактически мыслится как независимая от нее. Современная библиография по этому предмету говорит о нерелигиозной «духовности» как об исключительно психологическом явлении, как о результате полностью раскрытых способностей человеческого ума и сердца. Это естественный «свет нашего ума», о котором говорил архимандрит Софроний из Эссекса (Сахаров), и который он недвусмысленно отличал от божественного света. Готовы ли мы заявить об этом искажении истины перед всем миром?

2) Многие христиане, действительно честные, добросовестные и старательные, по-видимому, неправильно понимают смысл духовной жизни и тяготеют к тому, чтобы представлять ее как совокупность «духовных» переживаний. Я думаю, мы должны обращать внимание на такое расположение ума, когда оно обнаруживается среди членов Церкви, потому что оно ведет к размыванию смысла Царствия Божия, к превращению Церкви во что-то бесполезное и беспомощное, к приватизации веры. На почве такого умонастроения произрастают ненадежные обращения в веру и монашеские призвания, которые в будущем неминуемо ждут суровые испытания. Эти люди, безусловно, радушно приветствуются в Церкви, но их следует предупредить («смотрите, как опасно ходите»). Что мы должны делать, чтобы сердечно (а не только логически) убедить этих членов Церкви в том, что общение любви гораздо более ценно, чем любое переживание, что оно есть наше божественное призвание, что оно само по себе определяет существо Церкви, существо того, что ведет в Царство?

3) Есть также случаи поиска сильных переживаний в зависимости от священника и в его идеализации. Человеческое «я» отступает на второй план и регрессирует, извлекая при этом удовольствие из воображаемого слияния с «я» священника. Такого рода искажение обычно ошибочно истолковывается обеими сторонами как добродетель, послушание, а на самом деле является бомбой замедленного действия, которая рано или поздно взорвется, причиняя ущерб всей полноте Церкви. Как нам следует действовать для того, чтобы защищать от этой опасности наше священство и помогать в то же время мирянам в возрастании и принесении плодов Духа Святаго?

4) С другой стороны, чтобы быть до конца честным, надо сказать, что правда и то, что определенные люди нуждаются в сильных пере-

живаниях для того, чтобы найти свой путь в Церковь. Как мы можем не придавать значения внутренней драме многих людей, чья душевная жизнь парализована болью, смятением, тоской, кто умер душой и отчаянно ищет какого-то опыта, который бы дал силу, радость и надежду? Каким образом может Церковь сделать свое богословие прикладным, чтобы исцелять немощи этих людей, не позволяя им «ловить рыбу в мутной воде»? Как должна быть организована деятельность прихода и вся церковная жизнь, для того чтобы отвечать их нуждам и наполнять их души благотворными переживаниями, несущими дыхание Воскресения? Кроме того, все мы нуждаемся в некоторых переживаниях время от времени, для того чтобы получить поддержку и вдохновение на нашем духовном пути. Как пишет Godin [1985, с. 100], цитируя Абрахама Маслоу, «христианство, которое дает не только веру, но и эмоциональное удовлетворение, как ни странно, можно найти в наши дни лишь в харизматическом движении». Выдержит ли наша Церковь этот экзамен? Сможет ли искреннее православное вдохновенное чувство заявить о себе?

Спасибо вам за ваше терпение.

ЛИТЕРАТУРА

- Batson, C. Daniel, Schoenrade, Patricia, Ventis, W. Larry. 1993. *Religion and the individual*. Oxford University Press.
- Diet, Emmanuel. 1999. Pratiques sectaires et processus d'alienation: emprise et manipulation. *Debats de psychanalyse: "Sectes"*. Presses Universitaires de France.
- Enriquez, Eugène. 1999. Le refus du trouble ou vivre entre soi jusqu'à en mourir. *Debats de psychanalyse: "Sectes"*. Presses Universitaires de France.
- Fenwick, Peter. 2001. The neurophysiology of religious experience. *"Psychosis and spirituality: exploring the new frontier"*, Isabel Clarke (ed.). Whurr publ.
- Forman, R.K.C. 1998. *The innate capacity: mysticism, psychology, and philosophy*. Oxford University Press.
- Fontana, David. 2005. *Psychology, Religion, Spirituality*. (Greek edition).
- Godin, André. 1985. *The psychological dynamics of religious experience*. Religious Education Press.
- Quick Reference to the Diagnostic Criteria from DSM-IV*. American Psychiatric Association, 1994.
- Sanders, Peter. 1994. Peak religious experiences and mystical experiences. *"Pastoral Sciences"*, v. 13.
- Stark, Rodney. 1997. A taxonomy of religious experience. *"The psychology of religion: theoretical approaches"*, Bernard Spilka, Daniel McIntosh (eds.). Westview Press.

Psychodynamics and vicarial divinity

Minister Vasileos Termos

The author offers classification of religious experience from the view point of some mental conditions lying in its basis. He underlines that all these experiences by itself yet do not guarantee true Christian spiritual experience, the main difference of spirituality in heresies and sects is in a priority of the experience over love. Contemplating this problem which is also an internal problem of the Christian Church, the author formulates some question, which orthodox psychologists, psychiatrists and psychotherapists should put before Church and all the rests world in which decision they should take active part.

Key-words: religious experience, experience, spirituality, the boundary person.